
К 90-летию академика Ивана Тимофеевича Фролова

В 2019 году философская общественность отмечает 90-летие со дня рождения академика Ивана Тимофеевича Фролова (1929–1999), директора созданного им Института человека (1990–1999), Президента Философского общества СССР, а затем России (1987–1999), который был главным редактором журнала «Вопросы философии» в 1956–1977 гг.

Плоды идей и трудов И.Т. Фролова мы продолжаем ощущать и сегодня в философской жизни России. Он воссоздал из руин, оставленных лысенковщиной, нашу философию биологии. Будучи во главе «Вопросов философии», он сумел объединить вокруг журнала наших крупнейших мыслящих философов и стал лидером нового дисциплинарного направления: отечественной философии и методологии науки. Философия и методология науки стала гордостью нашей философии 1960–1980-х гг. и вышла на мировой уровень. И.Т. Фролов вывел на принципиально новый уровень международные связи нашей философии. Далеко позади остались самоизоляция и конфронтационный стиль в полемике. Наши философы стали выступать в качестве приглашённых докладчиков на международных философских форумах, в которых регулярно принимали участие отечественные и зарубежные лауреаты Нобелевской премии (П.Л. Капица, Н.Н. Семёнов, М. Эйген, И. Пригожин и др.).

Интеллектуальную повестку дня мировой философии при И.Т. Фролове стали задавать русские. В частности, темы XVIII в Брайтоне («Философское понимание человека») и XIX в Москве («Человечество на переломном этапе») Всемирных философских конгрессов, посвящённые философскому пониманию человека, были приняты по предложению наших представителей. И.Т. Фролов добился того, чтобы русский язык был признан официальным языком Всемирных философских конгрессов. Он стал первым и единственным до сих пор русским, избранным первым вице-президентом Международной федерации философских обществ. По его инициативе и под его руководством впервые в истории в Москве прошли Международный конгресс по логике, методологии и философии науки (1987 г.) («Человек – наука – гуманизм») и Всемирный философский конгресс (1993 г.). Российское философское общество благодаря настояниям И.Т. Фролова было принято в МФФО.

И.Т. Фролов был одним из тех, кто в период перестройки непосредственно участвовал в принятии важнейших политических решений. По справедливому замечанию академика А.А. Гусейнова, предшественники И.Т. Фролова – философы-академики использовали академические регалии как инструменты своей политической карьеры. И.Т. Фролов стал первым, кто, напротив, достигнутые политические позиции использовал для того, чтобы придать новый импульс развитию философии в стране. Не будем забывать и о том, что именно И.Т. Фролов сформировал кадровую конфигурацию руководства российской философией, которая с естественными изменениями сохраняется последние тридцать лет.

И.Т. Фролов вывел на качественно новый уровень статус философии в публичном пространстве. Тиражи философской литературы и периодики достигли тогда небывалых величин. Ни до, ни после не было регулярной телевизионной передачи, идущей в прайм-тайм по главному государственному телеканалу, в которой велись бы «Философские беседы». Пять изданий, в том числе два посмертных, выдержал научно-популярный «Философский словарь» под редакцией И.Т. Фролова. Словарь был и остаётся источником философских знаний для массового читателя, где качество подаваемой информации безупречно. Новаторским стал также вышедший под редакцией И.Т. Фролова философско-энциклопедический словарь «Человек».

При непосредственном участии И.Т. Фролова качественные изменения произошли в сфере философского образования. Он стал инициатором создания новых кафедр в МГУ: философской антропологии и комплексного изучения человека, философии и методологии науки. В сетке философских специальностей появился ряд

новых, невысказанных ранее дисциплин: философская антропология, философия религии, философия науки и техники. И.Т. Фролов организовал авторский коллектив интеллектуальных лидеров нашей философии, которыми был создан первый за десятилетия свободный от идеологизации учебник «Введение в философию». Концепция учебника была разработана И.Т. Фроловым. Учебник выдержал пять изданий и используется до сих пор.

Коренному обновлению философского образования способствовали массовые переводы на русский язык зарубежной философской классики XX века. Под редакцией И.Т. Фролова была издана уникальная антология философских текстов «Человек»; он способствовал появлению на русском языке трудов З. Фрейда, А.Дж. Тойнби. В период перестройки начались переиздания сочинений русских философов Серебряного века. Последнее стало возможным, в частности, после соответствующей записки, направленной И.Т. Фроловым М.С. Горбачёву. 31 декабря 1987 г. И.Т. Фролов написал М.С. Горбачёву докладную записку. В ней говорилось о необходимости издать труды русских философов конца XIX – начала XX века, как материалистов, так и идеалистов. И.Т. Фролов высказался за то, чтобы издание осуществлялось с опорой на журнал «Вопросы философии», где «теперь новые люди, способные работать по-новому». Такое решение и было принято Политбюро ЦК КПСС 12 мая 1988 г. В результате в приложении к журналу «Вопросы философии» стала выходить серия «Из истории отечественной философской мысли».

Для философской общественности России и ближнего зарубежья И.Т. Фролов был безусловным лидером. Он сыграл цементирующую роль в нашем философском сообществе в самый трудный период разброда и неопределённости. Философы из российских регионов с доверием относились к слову И.Т. Фролова, а он никогда не позволял поступаться достоинством философии. Он создал замечательную традицию проведения Российских философских конгрессов. Первые два конгресса – в Петербурге в 1997 г. («Человек – философия – гуманизм») и в Екатеринбурге в 1999 г. («Будущее России в философском измерении») – прошли под его руководством. Традиция укрепилась, и в 2020 году в Москве пройдет уже VIII Российский философский конгресс.

Творчество И.Т. Фролова было и продолжает оставаться предметом изучения в научных статьях, книгах и диссертационных исследованиях. Его актуальность обусловлена тем, что И.Т. Фролов стал основоположником развития в России нескольких новых научно-философских направлений, которые в наши дни находятся на подъёме. Речь идёт о глобалистике, биоэтике, комплексном изучении человека.

В работах середины 1970-х гг. И.Т. Фролов уже ставил такие проблемы, которые ныне составляют предмет острейших научных и публичных дискуссий: генетика человека, этика клонирования, выживание человечества в условиях техногенных рисков. Термин «глобализация» впервые введён был им в нашей стране в 1981 г. Сам Иван Тимофеевич говорил о себе, что он, подобно Кассандре, предсказывает некоторые тенденции будущего развития науки и человечества, но, как и Кассандре, к его предвидениям не всегда прислушивались. Не все проекты И.Т. Фролова смогли прижиться на нашей «каменистой» общественной «почве». Непростые времена переживает основанный им журнал «Человек». Нет уже Института человека РАН. Но это говорит только о том, что замыслы И.Т. Фролова остаются для нас маяками. Иван Тимофеевич не раз говорил, что в философии важны не те или иные промежуточные решения. Важнее по-новому поставить проблему. Если в области биоэтики и глобалистики И.Т. Фролов опередил науку и общественное сознание на тридцать лет, то в отношении временных параметров осуществления его идей о человеке и его комплексом изучении что-либо определённое даже трудно прогнозировать.

Мы обращаемся к работам выдающихся мыслителей не ради ритуальной дани почитания. Обращение нужно нам самим. Выдающиеся учёные отличаются ясностью мышления, благодаря которой они поднимали проблемы, насущные для нас сегодня. Мы советуемся с ними, прислушиваемся к их слову и вновь поражаемся глубине предвидения; становимся сопричастными боли и переживаниям, которые эти подвижники испытывали за нас. Начиная с печальной памяти «реформы» Российской

академии наук 2013 г., российская наука и философия в частности, сталкиваются с множеством трудностей, главной из которых стала бюрократизация и утрата интереса к содержательной стороне проводимых научных исследований у главного «заказчика» – у государства. В самой философии удельный вес исследований в области философии науки, особенно философии естествознания, значительно снизился, и этому сегменту философской работы уделяется недостаточное внимание. То же относится и к системе подготовки кадров.

В 1994 г. журнал «Вопросы философии» в № 10 провёл круглый стол о состоянии науки в России. В ходе обсуждения выступил и И.Т. Фролов. Мы предлагаем заново перечитать текст его важного выступления. Ясность видения, присущая подлинному мыслителю, позволила И.Т. Фролову развернуть проблему в перспективе, так, как если бы он знал не только о разрушительных «реформах» 2013 года, но и о продолжающихся «новациях» года 2019. Руководителям и работникам нашей науки полезно будет вспомнить высказывания нашего замечательного соотечественника, приобретшие со временем ещё большую актуальность.

Г.Л. Белкина, М.И. Фролова

Надо начинать всё сначала.*

Мне хотелось бы выступить в более широком плане, потому что приходилось ряд десятилетий заниматься проблемами науки не только как теоретика, но на каких-то этапах сталкиваться с определенной политической практикой, «научной политикой» (в 1990–91 гг. я был даже председателем Комиссии ЦК КПСС по науке, образованию и культуре). Эта комиссия только-только начала работать, и то, что она наработала к тому времени и хотела провести через Верховный Совет – в том числе по вопросам о статусе науки и ученого в нашей стране, о доле финансирования, в частности, государственного, на науку и т. п., – к сожалению, по большей части так и осталось на бумаге. Немножко последний Верховный Совет России пытался поставить эти вопросы. Но теперь, как я понимаю, это дело будущего.

После такого радикального преобразования, которое у нас произошло и еще происходит в стране, конечно, рассчитывать на то, что сразу обратятся к науке, невозможно. Наука, в особенности фундаментальная, – весьма тонкое специфически человеческое образование, и оно очень чувствительно ко всяким резким переменам в обществе. К сожалению, первое, что начинает гибнуть в этих условиях, – все то, что связано с этой деятельностью, если оно не «запрятано» глубоко в какие-то структуры, может быть, закрытые для внешнего восприятия и воздействия. В этом смысле можно ругать сколько угодно наши структуры, имеющие оборонное значение и т. д., но они много научной и творческой мысли «запрятали» внутри себя и никакие идеологические, политические и другие воздействия не смогли их как-то существенно поколебать. Я, например, могу сказать, и это – известный факт, что наша генетика отчасти спаслась в свое время с помощью атомщиков, которые просто взяли в свои структуры многих ученых-генетиков, и умные руководители атомных проектов (тот же И.В. Курчатов) просто открыли у себя лаборатории, где изучалось воздействие радиационных излучений, скажем, на организм человека, что и спасло многих известных ученых-генетиков.

У меня сейчас такое ощущение, как будто мы выходим на свет Божий после какой-то катастрофы, типа ядерной катастрофы, и видим одни развалины, почти все уничтожено, за исключением того, что очень хорошо «запрятано», в том числе и в науке. Вообще очень много в нашей действительности того, что те, кто имеет сейчас власть, представляли себе как какую-то жесткую вертикальную структуру, и вот достаточно где-то подточить рычаги власти, предположим, и сразу все рухнет. Оказалось, что это не так. Общество наше очень трудно развивалось, и оно имеет много слоев, разных фундаментов даже. Этим объясняется и то, что промышленность, как оказалось, нельзя сразу разрушить. У нас, видите ли, она оказалась прочнее, чем представлялось. То же самое касается и науки. Очень тяжелое положение, но тем не менее, мне кажется, есть определенные традиции, есть определенные структуры, которые, я уверен, не дадут возможности свершиться этому ужасному злу, которое угрожает нам.

Я думаю, что мы недооцениваем стойкость многих созданных структур и людей, которые с ними связаны. Это имеет прямое отношение и к науке, и к ученым, которые в ней работают. Это относится и к образованию. Как оказалось, образование у нас было, может быть, самое передовое. Вспомните конец 50-х годов, когда Чарльз Сноу выпустил книгу «Две культуры», где он много положительного сказал по поводу образования в Советском Союзе. Более того, наши космические достижения напрямую связывались с достоинствами народного образования. Оно оценивалось как

* Вопросы философии, 1994, № 10.

передовое образование. И тот процесс, который стал потом происходить в Соединенных Штатах, был направлен на решение этой проблемы – проблемы образования. И во многих других странах тоже существенное внимание стало уделяться образованию. Какая главная проблема сейчас для современной Франции? Образование. Самая главная проблема – образование.

Я много лет был советником в разных структурах, и понимаю, что кто-то из советников что-то первоначально внушил и нынешнему нашему президенту, потому что вот видите, как стали рекламировать: Указ № 1 – указ об образовании. Но все это оказалось липой. Я из своего многолетнего советнического опыта прекрасно знаю: иногда давать советы бесполезно. Начинается как какой-то заводной механизм: тот, кому ты советуешь, начинает говорить твои слова. Но если это не ложится на четкое, логичное восприятие для какого-то руководителя, если это не соединяется с его пониманием, культурой, то, соответственно, все очень быстро исчезает. Так я и объясняю, что, провозгласив задачей № 1 образование, потом все это выбросили неизвестно куда. А между тем это могло бы быть даже «козырной картой» в любой игре, включая политическую.

Я всегда считал, что ставка на науку (а это особенность мышления моего поколения и нашей работы, в том числе и философов), является действительно основной ставкой в век науки. И тот строй победит, как мы говорили, который больше даст возможностей для развития науки и ее технологическим применениям. К сожалению, кроме таких слов, мало было сделано в этом плане, и это и сейчас происходит.

Поскольку в программе нашей встречи первым обозначен вопрос об исторических традициях российской науки и ее роли в настоящем, то я бы хотел все-таки сказать о той традиции, которая у нас развивалась и которая опиралась действительно на российскую традицию. Возьмите, например, многие работы наших выдающихся ученых – Менделеева, Павлова, Тимирязева и др., – все они подчеркивали необходимость соединения того, что тот же Тимирязев обозначал «наука и демократия». И мы думали, что такое соединение действительно даст очень много для основного и главного, что происходит в современном обществе. Это – убеждение нашего поколения, это мое убеждение до сих пор. Я от него не отказываюсь, хотя кажется, что все происходит наоборот. Журнал «Вопросы философии» сразу после своего основания сделал главным в своей работе пропаганду науки, показ ее социального значения, роли ее в развитии общества. И было очевидным для нас, что если уж мы хотим утверждать социализм, то мы можем делать это, только развивая науку. Все наши усилия, как бы их не называли сейчас «идеологизированными» и т.д., все они были направлены на то, чтобы доказать и народу, и тем, кто им управляет, что и наши представления о новом обществе, грядущем обществе невозможны без науки, что это общество может быть построено только на науке.

И это понимали не только мы. Посмотрите, как берется на вооружение сейчас понятие «постиндустриального общества». Панацея от всего. Как будто это что-то выражает, если «пост»....

Реплика: Если «пост» – значит есть нечего.

Ну да. Но ведь у Д. Белла отчетливо сказано, что это общество, где приоритетом становятся знания. Точно также мы говорили о нашем обществе, имея в виду новое общество, как о воплощенном знании, где наука, по Марксу, становится непосредственной производительной силой и т.д. Это мы старались показать, и еще никто не опроверг подобные выводы. Мы вслед за Марксом, с середины 50-х годов говорили, что, безусловно, общественные фонды, употребляемые на науку, это большое преимущество нового общества. И это преимущество надо развивать. Крупные научно-технические проекты нуждаются в огромных общественных фондах, и поэтому, если может социализм мобилизовать такие общественные фонды, то, что ж, это очень хорошо, значит общество будет развиваться по пути прогресса. И надо видеть, что индустриально развитые страны, которые мы называли капиталистическими, как раз по этой линии и развивались. И наука во все большей и большей степени пользовалась общественными фондами, либо такими, с позволения сказать, частными фондами, которые в

некоторых случаях даже превосходят государственные фонды. Есть такие разветвленные и богатые национальные и транснациональные корпорации, которые уже сами становятся по существу общественными фондами. Это только наше убогое представление о том, что такое капиталистическое предприятие, не давало нам в то время понять именно этого факта, и того, что развитие этих индустриальных стран за счет новой технологии и т.д., по существу уже реализовало, использовало общественные фонды. А что такое налоги? Что такое увеличивающиеся федеральные налоги? Это тоже общественные фонды. Это общество через налоги, через федеральное правительство может субсидировать науку, субсидировать, в частности, фундаментальную науку в тех направлениях, которые только общество в целом может признать приоритетными. Даже какие-то корпорации этого не могут сделать, потому что они канализируют усилия в определенном направлении: то ли это промышленность в целом, то ли это какое-то конкретное производство и т.д. Все-таки тут ограничения есть. А вот затраты на науку вообще, фундаментальную науку — это, конечно, они не всегда могут сделать. Здесь мы и видели преимущества общественной собственности, преимущества социализма.

В этой связи я бы хотел напомнить, и не надо об этом забывать, что та работа, которая проводилась журналом «Вопросы философии» с середины 50-х годов по исследованию науки как социального института, ее общественной роли и значения, имела определенное воздействие на практику, общественное сознание и власть. Теперь, может быть, для вас это ничего не означает, но это было потрясением, когда в 1959 г. появилась передовая статья в «Вопросах философии», которая была посвящена не какой-либо политической и пр. теме, а науке, ее социальной роли и т.д. И авторы этой статьи (М.К. Мамардашвили, Э.Ю. Соловьев и я) потом были привлечены для разработки соответствующих разделов новой программы КПСС. Тогда впервые появились понятия о научно-технической революции, тогда появились и те разработки, и те ссылки на Маркса, его представления о науке как о «непосредственной производительной силе» и пр. Как ни странно, тогдашние наши философы-марксисты считали, что нельзя придавать такое значение нематериальному фактору науки в развитии производства. И я помню, как Михаил Давидович Каммари просто взял и вычеркнул из рукописи нашей статьи фразу Маркса о науке как непосредственной производительной силе общества. А в Программу партии она вошла, и мы считали это большим достижением.

В 1964 году мы с М.К. Мамардашвили в «Проблемах мира и социализма» опубликовали статьи «Союз науки и демократии». И это была какая-то платформа для того, чтобы дальше развивать марксовское понимание науки, что мы и делали в последующие годы (работы Б.М. Кедрова и др.).

А сколько сделали «Вопросы философии» для того, чтобы пропагандировать в социальном и философском плане достижения физики, химии, биологии. Все крупнейшие ученые выступали у нас, и мы видели в этом союзе философов и естествоиспытателей важный момент и важный фактор в изменении общего социального климата, в расстановке приоритетов в нашей культуре в пользу науки.

Я знаю, что сейчас модно ругать российское сознание как невежественное, малокультурное, где не находят встречи всякого рода идеи, которые бы исходили из утверждения, в частности, фундаментальных научных подходов. Но это неправда. Была такая традиция до революции Октябрьской, после потрясения, которое было в 17-м году, и дальше. Оно и после войны стало восстанавливаться, и большую роль здесь сыграли философы. В том числе и в критике антинаучных искривлений, которые принес сталинизм и пр. И такие люди, как П.Л. Капица, Н.Н. Семёнов и др. никогда не чуждались того, чтобы наряду с исследовательской работой воздействовать на общественное сознание в пользу науки. Николай Николаевич Семёнов издал тогда книгу «Наука и общество», в которой были собраны его выступления в пользу науки. При этом использовались любые возможности. Тогда ведь как было — есть очередной руководитель, и он кого-то приближает и из ученых — то ли это будет Лысенко, то ли это будет Семёнов. И это было очень важно для науки. Сейчас это кому-то не нравится. Но это было, и от этого много зависело.

Конечно, надо иметь в виду шаткость таких отношений с властью. Вот как было, например, с Владимиром Александровичем Энгельгардтом. Отбросил Хрущев на какое-то время Лысенко и взял в «научные консультанты» Энгельгардта. А он «не потянул». Почему? Да потому, что он ученый, а не шарлатан, как Лысенко. А сейчас как? Нужно ли науке такое «меценатство»? Нет, конечно. Но... Мы и впоследствии использовали все рычаги для того, чтобы утверждать высокий статус науки, чтобы высшее руководство понимало, что без опоры на науку и образование невозможно решать какие-то политические задачи. Но я хотел бы сказать, что дальше уже, видимо, не смогу этого делать, моя психика уже не выдержит того, чтобы еще раз — я уже не помню, в какой, — опять обращаться с теми же идеями о роли и значении науки, с теми же доказательствами, но уже к новому руководству.

К сожалению, все повторяется. И, видимо, пока от этого никуда не денешься. Мы как общество еще малокультурны и совсем не демократичны. Опять, видимо, все надо начинать сначала. И исследователям, и философам, увы, всем этим надо опять заниматься. Надо больше выступать в печати и пр. и надо оттеснить чисто политический подход и чисто политическое мышление, которое я всегда называл идиотическим мышлением, потому что настоящее политическое мышление должно завязываться на конкретные проблемы. Я считаю, что прежде всего на проблемы науки и образования, и тогда оно приобретает уже определенную прогрессивную форму.

Я захватил с собой некоторые прогнозные доклады по комплексной программе научных исследований, которые остались невостребованными. Я уж не говорю о том огромном количестве записок, которые подавались руководству, для того чтобы утверждать научный подход и высокий статус самой науки. Этой работе мое поколение отдавало свою жизнь. Я, например, и к М.С. Горбачеву только поэтому и пошел в помощники. Я довольно холодно воспринял его приход к власти, но заинтересовался его деятельностью тогда, когда в июне 1985 г. было проведено совещание по научно-техническому прогрессу. Тогда я решил, что да, это, наверное, то, что надо. Написал статью в «Вопросы философии» — «Время решающих перемен», связывая новую власть исключительно с обращенностью к научно-технической проблематике. Но, к сожалению, это был очень недолгий «роман» руководства с наукой. И хотя слова оставались хорошие, но по существу потом это было как-то свернуто.

Наконец, я хотел бы сказать о том, что, мне кажется, сейчас нам нужно больше ориентироваться на какие-то комплексные, междисциплинарные программы, по типу той, которую мы развивали — «Человек—наука—общество». И поэтому, может быть, сама структура современной науки еще сильнее должна меняться. Были разные попытки изменить в этом плане организацию науки, но не всегда удачные. Одно время стали в Академии создавать Советы. Сейчас тоже это наблюдается. Я думаю, что надо поломать очень многие сугубо традиционные деления наук и, соответственно, структур организации самой науки, и больше направить усилия на организацию комплексных междисциплинарных исследований по программам, сделать структуру, в том числе академических учреждений, очень гибкой. То есть иметь какой-то небольшой состав ученых в институтах, и, ориентируясь на программы, каждый раз собирать новые творческие коллективы, не давая им закостенеть, чтобы это были открытые системы, а не так, как сейчас во многих институтах. Поэтому там и происходит постарение кадров, и возникают большие трудности для продвижения молодых ученых, у которых есть новые идеи. Вот эта гибкость и открытость системы, может быть, и есть то самое главное, что сейчас нужно делать. И, конечно, органичное объединение науки и образования. К сожалению, много об этом говорилось, но и сейчас это остается главной задачей.

Что касается управления наукой и основных ориентиров федеральной политики в области науки, то я считаю, что сейчас должно быть организовано очень сильное дифференцированное управление по государственной линии, что-то такое типа ГКНТ, то есть то, что, может быть, отчасти прослеживается в Министерстве науки. Я не против существования Министерства науки. Я считаю только, что нужно очень существенно повысить статус такой государственной структуры.

Н.С. Хрущев не сразу, но понял, что в основе роста производства и роста производительности труда должен лежать научно-технический прогресс. Кстати, вы где-нибудь сейчас встречаете это понятие «производительность труда»? Исчезло куда-то. А как вообще можно говорить о наукоемких производствах и вообще о производстве, если мы забыли говорить о производительности труда? Это говорит о том, что мы находимся в полуразрушенном состоянии. Мы хотим нашу валюту сделать свободно конвертируемой и забываем о том, что для этого вначале надо сблизить производство по одному важнейшему параметру — производительности труда. Будет сблизаться производительность труда у нас и, скажем, в Соединенных Штатах, значит, будет и свободно конвертируемая валюта. Почему-то этот подход, можно сказать, материалистический, реальный исчез из нашей жизни. Так вот, даже Хрущев, когда создавали ГКНТ, сделал так, что его председатель должен был быть заместителем Председателя Совета Министров. Это очень важно. Это сразу поднимало науку, ее роль и т.д. Как это потом получалось — это другой вопрос. У нас же, как я вижу, и сама эта структура государственная — Министерство науки — какая-то подчиненная, она не является ведущей. А по сравнению с временами Хрущева изменения должны были бы быть существенные в сторону повышения роли и значения науки.

Я думаю, что должна как-то сворачиваться эта разрушительная работа против Академии наук. Потому что Академия наук все-таки должна оставаться как традиционная структура, обеспечивающая фундаментальные исследования. Сильная роль Академии, мне кажется, должна непременно сохраняться. И поддержка новых направлений фундаментальных исследований должна идти в основном через Академию. Академию можно как угодно ругать, но очень часто, в том числе в науке, нужны и такие устойчивые структуры. Наука не может просто одним рывком куда-то прыгать. Она должна постоянно закрепляться на достигнутых рубежах. Академия и с этой точки зрения должна выполнять свою функцию.

А потом посмотрите, какой здесь отбор. Конечно, отбор шел и по другим параметрам, специфичным для той системы, от которой мы уходим сейчас. Это безусловно. Но, в принципе, если взять по-настоящему, принципиально, многолетний все-таки отбор происходил. Бывают и ошибки. Даже в естественном отборе бывают ошибки, мутации и т.д. Все бывает. Но тем не менее, это та структура, которая должна быть и от которой мы не должны отказываться. Она стержневая. Пусть создается еще много академий, всем хочется быть и называться академиками. Ну и пусть. Пусть будут какие-то общественные академии, они могут даже отчасти субсидироваться по государственной линии. Это тоже неплохо. Но структуру РАН нужно оставить. Это — наше национальное достояние.

Почему-то задачей новых академий, насколько я знаю, является разрушение старой, как ее называют Большой Академии. Если это отбросить, то в остальном я не вижу в новых академиях ничего плохого. Но зачем же всё разрушать? Еще неизвестно, что мы получим от какой-то новой академии.

Я бы в заключение еще хотел сказать, что новые центры науки надо развивать, но многие из них, которые занимаются фундаментальными исследованиями, основывать на базе Академии наук, то есть использовать те структуры, которые уже имеются, хотя надо создавать и новые. И, конечно, в сильной степени поддерживать новые направления научных исследований и общие тенденции гуманитаризации нашей науки, ее большую обращенность к человеку, то есть способствовать как бы переворачиванию всей пирамиды наук, так чтобы в основании всего все-таки были науки о человеке. А отсюда уже и выходы на новые технологии, которые обслуживают человека и т.д.

Это общая тенденция развития нашей цивилизации, которая и выражается в том, что человек становится главной действующей силой, а отсюда и проблемы образования, развития человека, воспитания и т. д. К сожалению, это уже почти выброшено вместе с «идеологическим хламом», как его называют, который достался от прошлой системы. Но боюсь, как бы это вообще не было выброшено из нашей культуры.

Сейчас большая опасность в том, чтобы не выбросить то, без чего не может развиваться наука, не может развиваться технология. Надо найти нечто такое, что

обеспечивало бы нам такой научно-технический прогресс с удержанием всего хорошего, что было до этого, потому что исчезновение, скажем, этоса науки, разрушение этоса науки ничего хорошего нам не дает. В том числе и в «утечке мозгов» очень многое связано с разрушением этоса науки, а не только с теми факторами, о которых мы знаем и которые перечисляются здесь.

Заниматься наукой в широком контексте ее социальных и человеческих проблем – вот, что мне кажется, сейчас нужно, а не просто учитывать чисто политические, технологические факторы и т.д. Кто это будет делать? Министерство науки и технологии? – Вряд ли. Вместе с комитетом образования? – Это уже кое-что. Значит, нужно какое-то их мощное объединение.

Если отбросить пристрастия в оценках, в прошлом мы имели дело с определенной системой функционирования нашей духовной культуры, в том числе науки и т.д., где каким-то компонентом, не всегда отрицательным, включалась партия, которая брала на себя ряд функций, в том числе и создания определенной атмосферы в науке, в культуре и т. д. Хорошо, мы отказались от этого, потому что было больше издержек здесь, чем плюсов. Но, понимаете, сама структура духовного производства, как мы его понимаем, свободного функционирования общественного сознания не может быть стихийной, абсолютно неорганизованной. Почему? Потому что наше общество пока и на очень долгое время, я думаю, не будет состоять и не состоит из таких вот свободно мыслящих культурных людей, которые сами все решают для себя, в том числе и в развитии науки, ее перспектив и т. д. Нет, общество на долгое время и у нас, и в других странах останется элитарным обществом, где даже демократические институты функционируют с обязательным учетом и с наличием развитых элит. Это, мне кажется, очень важно.

Люди не равны. В политическом, в социальном смысле они, безусловно, должны быть равны, и они равны. Но как индивиды и личности они не равны. Петр Леонидович Капица считал, что вообще в популяции человечества существует всего 4–5% людей, способных к активной творческой деятельности, например, в занятии наукой. Сейчас наука стала массовой. Это не занятия талантливых одиночек, а это массовые занятия, массовая наука. Все нужны в одинаковой степени: и выдающиеся умы, и хорошие руки, и помощники. Это целостный организм в науке. Но в науке, как и в обществе, нужно по-прежнему исходить из того, что демократическое, свободное развитие может обеспечиваться при обязательном активном функционировании элит. Как это обеспечивается организационно – это уже другой вопрос. Именно поэтому я и говорил о роли Академии наук, поддерживаемой централизованно государством. Может быть, мы добьемся того времени, когда и у нас возникнут мощные корпорации промышленного, промышленно-научного типа, частные или кооперативные, и они тоже будут как-то существенно влиять на развитие науки, обеспечивать его.

Может быть, мы в журнале «Вопросы философии», опираясь на собственные традиции, опять вернемся к вопросам науки и начнем все сначала. Я бы так даже и свое выступление назвал. Ключевая идея, которую я хотел донести, – надо начинать все сначала. Ни в коем случае не отбрасывать и не перечеркивать все ценное, выраженное иногда даже в идеологизированной форме. Иначе мы не «зацепимся» никак. Как будто мы в болоте, размахиваем руками, ногами – за что бы зацепиться. И когда мы зацепимся за что-то, и когда мы сможем спокойно оценить значение того, что было недавно и вызывает гнев поверхностных людей по каким-то политическим и идеологическим причинам, тогда наша культура будет уже постепенно наращивать какой-то фундамент, и тогда она будет неуничтожима, а она пока уничтожается. Для науки, я считаю, это важнее всего. Вот почему я так говорю о значении Академии наук. Может быть, эта структура, которую не надо трогать.